

ГЛАВА XV. Возражение против политики взаимности. Ответ. Первая причина упадка государств. Отношение политических учреждений к экономическим в новой Демократии

Не станем отвлекаться от вопроса. Нам предстоит объяснить что такое единство и порядок в демократии, проповедующей взаимность.

Вот замечание, которое без сомнения сделают противники наши: «Оставим теории и сентиментальности, скажут они нам: во всяком государстве необходима власть, дух дисциплины и повиновения, без которых немисливо существование общества. В государстве должна быть сила, способная побороть все сопротивления и подчинить все мнения общей воле. Толкуйте сколько хотите о сущности, происхождении и формах этой силы, – вопрос не в том. В действительности все дело заключается только в том, что власть должна иметь в руках силу. Никакая человеческая воля не должна управлять другой человеческой волей, говорит де-Бональд, и он приходит к заключению о необходимости высшего учреждения, права божественного. Ж.-Ж. Руссо думает напротив, что общественная власть есть нечто собирательное, слагающееся из тех частиц свободы и имущества граждан, от которых последние отказываются в видах общего блага, – это демократическое революционное право. Выбирайте любую систему, и вы все таки неизбежно придете к заключению, что душу политического общества составляет власть,

освящаемая силой.

«Таким образом возникали во все времена государства; таким же образом они и управляются, и живут. Неужели массы по своей воле так тесно соединялись между собой и образовали, под рукой вождя, те могучие политические тела, к которым так мало прибавляет работа революций? Нет, эти тела появляются и разрастаются вследствие необходимости, на помощь которой является сила. Неужели опять массы по своей же воле, вследствие какого-то таинственного и необъяснимого убеждения, позволяют вести себя, как стадо, и покоряются чужой мысли, которая парит над ними и остается загадкой для каждого? Нет, опять таки нет, – эта способность централизации, которой поддается даже нехотя весь мир, есть также результат необходимости, на стороне которой стоит сила. Нелепо восставать против этих великих законов, как будто возможно, в самом деле, изменить их и создать себе новую жизнь, на новых началах.

Чего же хочет теория взаимности, и какие выводы даст это учение с точки зрения правительства? Теория эта хочет основать такой порядок вещей, в котором возможно было бы самое широкое приложение принципа верховной власти народа, человека и гражданина, порядок, в котором каждый член общества, сохраняя свою независимость и полную свободу действий, управлялся бы сам собой, между тем как высшая власть занималась бы единственно только общими делами; следовательно такой порядок, в котором были бы общие цели, а не было бы централизации. При таком строе, каждая из частей общества, признанная самодержавною, имеет право, по своему усмотрению, выйти из союза и нарушить договор *ad libitum*. До подобного вывода неизбежно должна прийти федерация, если она только останется верна своему принципу. Вот логическое следствие федеративного принципа, следствие неизбежное, которое федерация должна признать или обратиться в иллюзию, вздор и ложь.

Очевидно, что такая правоспособность отложения т. е. сепаратизм, который в принципе принадлежит каждому из союзных государств, заключает в себе противоречие; сепаратизм никогда не осуществлялся и на практике постоянно отрицается всеми федерациями. Известно, что Древнюю Грецию едва не погубила её федеральная свобода. Только одни афиняне и спартанцы дали отпор персидскому царю, – остальные отказались идти. Персы побеждены, и в Греции вспыхивает междоусобие, уничтожающее эту нелепую конституцию. Вся слава и выгода достается на долю Македонии. В 1846 г., когда Швейцарскому союзу предстояло распасться вследствие отделения католических кантонов (*Sunderbund*), большинство не задумалось образумить отложившихся силою оружия. Оно действовало при этом, несмотря на все свои уверения, вовсе не во имя федерального права, которое было положительно против него. Каким же образом тринадцать самодержавных протестантских кантонов могли бы доказать одиннадцати таким же самодержавным католическим кантонам свое право принудить их, в силу договора, к союзу, которого те не хотели? Понятие федерации не совместимо с подобными требованиями. Гельветическое большинство действовало в силу права национального самосохранения. Оно видело, что Швейцария, по своему положению между двумя великими державами, не могла, без крайней для себя опасности, допустить образования нового, более или менее враждебного союза; и уступая необходимости, поддерживая свое право доводами силы, оно провозглашает начало единства во имя будто бы федерации. В настоящую минуту, когда я пишу, северные штаты

Америки хотят точно также силою удержать в союзе южные штаты и обзывают их изменниками и бунтовщиками, как будто союз есть ни более ни менее как монархия, а Линкольн - император; и здесь не приложимо даже то оправдание, какого могут для себя требовать швейцарские либералы 1846 г., потому что американской свободе ничто не угрожает.

Очевидно однако, что одно из двух: или слово федерация заключает в себе смысл, которым основатели союза хотели резко отличить его от всякой другой политической системы, - в таком случае, оставив невольничий вопрос в стороне, мы должны признать несправедливость войны, объявленной Севером Югу; или под видом федерации скрывались стремление к образованию великой империи, стремление, которое ждало только благоприятной минуты для своего обнаружения, - в таком случае американцам придется со временем вычеркнуть из своего лексикона слова - политическая свобода, республика, демократия, федерация и даже союз. По ту сторону Атлантического океана уже не признают международного права, т. е. федеративного принципа: это нисколько не двусмысленное знамение предстоящего преобразования союза. Всего страннее в этом деле поведение европейской демократии, которая сочувственно относится к тому, что делается в Америке, и таким образом отрекается от своего собственного принципа и от своих надежд.

Из всего этого следует, что социальная революция в смысле взаимности - чистая химера, так как в таком обществе политический порядок, чтобы соответствовать экономическому, должен представлять федеративное государство, а такое государство само по себе совершенно невозможно. В действительности, федерация всегда представляла собою переходное явление государства, едва начинающего слагаться; в теории, это бессмыслица. Поэтому, указывая на федерализм, как на свой последний вывод, взаимность сама себя исключает; она ничто".

Прежде чем опровергнуть это рассуждение, необходимо восстановить историческую истину.

Противники федерализма совершенно произвольно приписывают централизации все выгоды, которые оспаривают у федерации. Они утверждают, что централизация столь же сильна и логична, сколько федерация слаба и бессмысленна, и что этим-то и объясняется различие их исторических судеб. Поэтому, чтобы рассмотреть вопрос со всех сторон, мне следовало бы, с своей стороны, разобрать принцип централизации и показать что - если федерация всегда играла второстепенную роль; если, благодаря нескладице их учреждений, федерации никогда не могли долго просуществовать, и если принцип их, повидимому, даже не может быть осуществлен в них, - за то сильно централизованные государства противопоставляли преграды для развития отдельных народностей.

Таким образом, мне пришлось бы показать, что вся история представляет нам только ряд соединений и разложений; что за разложениями или федерациями постоянно следовали слияния, а за слияниями - распадения; что за греческой империей Александра, охватившей собой Европу и Азию, скоро последовало разделение её между его полководцами: оно было истинным восстановлением национальностей, в том смысле, как мы понимаем его теперь. После этого национального движения наступило римское единство, которое в V веке сменилось германскими и итальянскими федерациями. Еще недавно, австрийская империя

превратилась из абсолютной в федеративную, между тем как Италия перешла от федерации к единству. Первая империя со своими 132 департаментами, со своими великими вассалами и союзами, не могла устоять против европейской федерации; точно также и вторую империю, еще более централизованную, хотя менее обширную, подтачивает дух свободы, который выражается провинциями и общинами даже резче, чем отдельными личностями.

Вот, что я хотел бы развить подробнее; но пока достаточно напомнить об этом. И так, вот следовательно, задача, которую нам предстоит разрешить; она так же важна для централизации, как и для федерации.

1. Отчего все централизованные государства, монархические, аристократические или республиканские, всегда кончают разложением?

2. Отчего, в тоже время, федерации всегда стремятся к единству?

Необходимо ответить на эти вопросы прежде, чем произнести суждение о сравнительных достоинствах государств централизованных и федеративных. Я отвечаю на них, согласно началам, изложенным в предыдущей главе, что только Истина и Право могут служить основаниями порядка и что вне их централизация неизбежно становится деспотизмом, а федерация ложью.

Причина разложения и разрушения всех государств, как централизованных, так и федеративных, состоит в том, что в первых общество лишено всякого обеспечения, и политического, и экономического; во вторых же, предполагая даже, что власть организована самым лучшим образом, общество до сих пор имело только политические обеспечения и никогда не заботилось об экономических. Ни в Швейцарии, ни в Соединенных Штатах, мы не встречаем организованной взаимности; а без неё, без экономического права, политические формы бессильны, непрочны; они гробы крашенные, по выражению Евангелия.

Что же сделать, чтобы оградить федерацию от разложения, не нарушая в тоже время их принцип, состоящий в признании за каждым городом, местностью, провинцией, населением, словом, за каждым государством, права добровольно вступать в федерацию и выходить из неё?

Заметьте, что подобного условия еще ни разу не предлагали свободным людям; ни один писатель не говорил еще об этом. Де Бональд и Жан Жак, поклонник божественного права и демагог, утверждают единодушно, по слову Евангелия, что царство, в самом себе разделившееся, погибнет. Но в Евангелии это имеет смысл отвлеченный, тогда как наши писатели чистые материалисты, поклонники власти и, следовательно, рабства.

Чтобы навсегда упрочить федерацию, необходимо, наконец, дать ей санкцию, которой она лишена доселе; надо провозгласить экономическое право основанием федеративного права и всякого политического порядка.

Здесь будет особенно уместно рассмотреть переворот, который совершится во всем общественном строе силою одной взаимности.

Примеры, приведенные выше, уже указывали на то, что принцип взаимности, будучи перенесен из частных отношений в общественные, создает ряд учреждений, развитие которых легко обозначить. Для памяти, укажем на более крупные.

А. Экономические учреждения

1. Благотворительные и вспомогательные учреждения, представляющие переход от господства начал милосердия к началам справедливости, заявленным Революцией: общества вспоможения, медицинских пособий, богадельни, воспитательные дома, больницы, магдалининские приюты и проч. – Все это, конечно, более или менее уже существует, но лишено того нового духа, который один может доставить им значение и истребить в них тунеядство, обман, нищенство и расхищение.
2. Страхование от наводнений, пожаров, кораблекрушений, от случайностей на железных дорогах, от скотских падежей, града, болезней и смерти.
3. Кредит, обращение и учет; банки, биржи и проч.
4. Общественные учреждения для перевозки по железным дорогам, каналам, рекам и морям. – Эти учреждения не наносят частным предприятиям никакого ущерба, а напротив того – поддерживают и регулируют их.
5. Учреждение складов, доков и рынков. Цель его – обеспечить навсегда возможно лучшее распределение продуктов, в видах взаимных выгод производителей и потребителей. Это – смерть торгашеской спекуляции, наживанию, стачкам и ажиотажу.
6. Учреждение статистических бюро, контор для объявлений, для точной и верной оценки товаров. Общественные учреждения для регулирования мелочной торговли.
7. Общества рабочих для земляных работ, разведения лесов, осушения почвы, проведения дорог, шоссе, водяных сообщений.
8. Общества рабочих для сооружения мостов, водопроводов, резервуаров, портов, тунелей, публичных зданий и проч.
9. Общества рабочих для разработки рудников и добывания сырых продуктов.
10. Общества рабочих для служения при портах, вокзалах, рынках, складах, магазинах и проч.
11. Общества каменщиков для постройки, ремонта, найма домов, в видах дешевизны городских квартир.
12. Народное просвещение, научное и ремесленное.

13. Собственность: пересмотр законов касательно права, происхождения, распределения, способа передачи разных имуществ. Преобразование и утверждение аллодиальной системы.

14. Налог....

Примечание

1. До сих пор учреждения, которым мы дали название «экономических», существовали в обществе только на словах. – Мы не выдумываем их, не создаем произвольно, а только разъясняем их, на основании принципа, очень простого, но решительного.

Дознано, что в большинстве случаев индивидуальная инициатива не может создать того, что создает без всякого усилия и с меньшими издержками сотрудничество всех. Поэтому там, где частная деятельность недостаточна, совершенно справедливо и даже обязательно обращаться к собирательной силе, ко взаимности. Глупо жертвовать для бессильной свободы общественным богатством и счастьем. В этом и состоят принцип, цель и основание экономических учреждений. И так, за личностью остается все, что она в состоянии выполнить, не нарушая закона справедливости; а все, что превышает способность одной личности, становится делом общественным.

2. К разряду экономических учреждений я отношу богоугодные и учебные заведения и налог. Такая классификация основана на самой сущности вещей. Искоренение нищеты и облегчение человеческих страданий всегда считались самыми трудными задачами науки. Как нищета рабочего, так и все социальные бедствия находятся в прямой зависимости от источников производства и нарушают непосредственно общественное благосостояние. Поэтому наука и прямая польза побуждают нас вывести эти учреждения из-под влияния и действия власти. Так точно и налог. В этом отношении революция 89 года и принципы всех вышедших из неё конституций совершенно верно говорят, что налог, требуемый правительством, должен взиматься не иначе, как с согласия народа и распределяться общими и местными собраниями. Государь не сам себе платит, а страна платит своему поверенному. А из этого следует, что учреждение, которое зовется министерством финансов, отнюдь не составляет принадлежности власти. Что же касается народного образования, представляющего собою лишь дальнейшую степень развития домашнего воспитания, то его необходимо точно также причислить к экономическим учреждениям, а иначе его придется снова признавать религиозным учреждением и отрицать семью.

3. Параграфы 4, 7, 8, 9, 10 и 11 нашей таблицы показывают, какое значение имеют в новой демократии рабочие ассоциации, рассматриваемые как экономические силы и учреждения взаимности. Цель их – удовлетворить не только интересам рабочих, но и вполне законному желанию общества спасти железные дороги и рудники от монополии акционерных обществ, – общественные постройки от произвола казенных инженеров, – воды и леса от правительственного расхищения и т. д. Эти рабочие товарищества должны быть организованы по правилам гражданского и коммерческого уставов, подчинены закону конкуренции и, неся ответственность за свои поступки, обязаны, по долгу взаимности, предлагать обществу свои услуги по возможно дешевой цене.

К этим экономическим учреждениям примыкает еще, в виде дополнения, ряд учреждений, называемых политическими. Хотя и они могут также изменяться в известных пределах, но никто не ошибется на счет их значения.

В. Политические учреждения

15. Избирательное собрание или всеобщая подача голосов.

16. Власть законодательная.

17. Власть исполнительная: Администрация,

18. Полиция, Юстиция,

19. Духовные дела,

20. Военные дела.

Министерства: земледелия, торговли, народного просвещения, публичных работ и финансов были помянуты и рассмотрены в отделе экономических учреждений.

Примечания

1. Эти учреждения называются политическими в отличие от предыдущих, т. е. экономических, потому что имеют предметом уже не людей и имущества, не производство, потребление, воспитание, не труд, кредит и собственность, но государство в целом, весь социальный организм и его отношения, как внешние, так и внутренние.

2. Эти учреждения подчинены первым, и их можно назвать второстепенными учреждениями, потому что, несмотря на свое кажущееся величие, играют гораздо менее важную роль, чем учреждения экономические. Прежде чем писать законы, управлять, строить дворцы, храмы, воевать, общество работает, возделывает землю, строит корабли, обменивается, обрабатывает землю. Прежде чем возводить на троны королей и устанавливать династии, народ освящает семейную жизнь, упрочивает браки, строит города, заводит собственность и наследство. По принципу политические учреждения остаются в нераздельном виде с экономическими. В самом деле: ни одна из отраслей управления и государства не чужда общественной экономии. Теперь, когда мы восстановили социальную генеалогию во всей её полноте и всякой вещи указали её место, нас не должно смущать то влияние исторической иллюзии, вследствие которого общественный разум, выясняя себе правительственный организм, как будто придает ему первенствующее значение. Между учреждениями экономическими и политическими существует такая же зависимость, на какую физиология указывает в животных между отправлениями жизни органической и половыми отношениями. Помощью последних животное заявляет свое существование и вступает в связь с прочими тварями; но первыми оно живет, и все, что оно свободно делает, в сущности ничто иное, как более или менее разумное заявление его основных жизненных сил.

3. В демократическом обществе политический порядок и порядок экономический должны сливаться воедино, составлять одну систему, основываться на общем принципе – принципе взаимности; таков вывод, который можно сделать из наиболее выяснившихся идей демократии и из самых очевидных её стремлений. Мы уже видели, как великие

экономические учреждения зарождаются, одно за другим, рядом взаимностей и создают обширный, гуманитарный организм, о котором доселе никто и не мечтал; таким же образом и правительственная власть является здесь не какой-нибудь фикцией, придуманной ради государственных потребностей и непрочной, как всякая выдумка, а действительным договором, где договаривающиеся самодержавные личности не поглощаются центральной властью, личной и в тоже время мистической, а дают прочное обеспечение свободе государства, общины и лица.

Это уже не отвлеченное самодержавие народа, как в конституции 93 года и следующих, или как в «общественном договоре» Руссо: это – действительное самодержавие народных масс, которые царствуют и управляют в благотворительных собраниях, в торговых палатах, в корпорациях искусств и ремесл, в рабочих артелях, на биржах, рынках, в академиях, школах, на земледельческих сходках, наконец, в избирательных сеймах, парламентах и государственных советах, в народной страже и даже в церквах и храмах. Всегда и везде владычествует, во имя и в силу принципа взаимности, сила собирательная; это последнее признание прав человека и гражданина.

Я сказал, что здесь рабочие массы действительно и положительно владычествуют, и это несомненно ведь им принадлежит все экономическое устройство – труд, капитал, кредит, собственность, богатство. Имея в полном распоряжении своем органические силы, могут ли они оставаться чуждыми области внешних отправлений? Влияние производительной силы на правительство, власть, государство не может быть устранено и это выражается самым устройством политических учреждений:

- a. Избирательное собрание: оно собирается самопроизвольно, надзирает за всем, ревизует свои собственные действия и дает им санкцию;
- b. Законодательное собрание или государственный совет, отряжаемый избирательными собраниями из своей среды, назначается федеральными группами и может изменяться в составе[17];
- c. Исполнительная комиссия, избранная членами законодательного собрания из среды себя и, в случае надобности, подлежащая уничтожению;
- d. Наконец, председатель этой комиссии, ею самой назначаемый, и подлежащий смене.

Это, как видите, совершенная противоположность системы старого общества; здесь страна все, а тот, кого называли главою государства, здесь просто гражданин, хотя и первый по почету, но наверное безопаснейший из всех должностных лиц. Таким образом решена задача политического обеспечения. Здесь никогда не будет, ни похищения власти, ни государственного переворота; здесь невозможен бунт власти против народа, заговор правительства и буржуазии против низших классов[18].

4. Возвратимся теперь к вопросу, поставленному выше: каким образом федеративное государство может упрочить свое существование? Возможны ли прочность и цельность действий в такой системе, основная мысль которой есть право каждого члена федерации на самоотлучение?

Надо сознаться, что пока федеральные государства не основаны на экономическом праве и законе взаимности, возражение это неопровержимо: разногласие интересов неизбежно приводит к роковым раздорам и отпадениям, и дело кончается тем, что монархическое единство заменяет республиканскую неурядицу. Но при экономическом праве и взаимности все изменяется: преобразуется весь экономический порядок, развивается совершенно новый государственный принцип – и федерация делается прочною. Демократия, столь враждебная сепаратизму, может успокоиться.

В группах, находящихся между собою в отношениях взаимности, не существует тех начал, которые обыкновенно разъединяют людей, города, корпорации и личности: здесь нет ни верховной власти, ни политической централизации, ни династического права, ни бюджета двора, ни орденов, ни пенсий, ни эксплуатации, ни догматизма, ни вражды партий, ни племенных предрассудков, ни соперничества корпораций, городов или провинций. Здесь может быть разногласие только во мнениях, в верованиях, в интересах, нравах, промышленности и т. д. Но эти разногласия и служат именно основанием и предметом системы взаимности: следовательно ни в каком случае не могут они быть источником церковной нетерпимости, папского, духовного самовластия, столичного преобладания, промышленного или земледельческого владычества. Столкновение невозможно; чтобы возбудить его надо сперва разрушить взаимность[19].

С чего быть восстанию? Откуда взять поводы к неудовольствию? в федерации, основанной на взаимности, гражданин, как в республике Руссо, пользуется полною свободой! в его руках вся политическая власть; он сам и властвует, и пользуется выгодами власти; ему оставалось бы только жаловаться на одно: что ни ему и никому другому нельзя захватить ее в свои руки и пользоваться ею безраздельно. Пожертвований достоянием также никто и ни от кого не требует: государство просит от гражданина лишь столько, сколько действительно необходимо на общественные расходы; расходы эти все существенно производительны, так что налог обращается в обмен. Обмен же умножает богатства; следовательно и с этой стороны нечего опасаться раздора. Равным образом, федерация не может распасться из страха междоусобной или внешней войны. Если она основана на экономическом праве и законе взаимности, то междоусобная война возможна в ней только по поводу религиозных несогласий. Но, во первых, когда удовлетворены все материальные интересы людей, духовные интересы едва ли могут быть достаточно сильны, чтобы побудить их к междоусобию; а во вторых, общая взаимность необходимо должна сопровождаться взаимною веротерпимостью, так что этот повод к столкновению совершенно невозможен. Что касается до внешней войны, то с какой стати может она возникнуть? Федерация признает за каждым составляющим ее государством право отпадения; тем более она не может ни к чему принуждать другие, чуждые ей государства. Принцип её вовсе несовместен с завоевательными стремлениями. Следовательно, возможна только одна причина внешней войны: враждебность принципов. Возможно, что соседние государства, основанные на широкой эксплуатации, централизации, найдут существование такой федерации несовместным с их собственными принципами, подобно тому, как в 93 году Французская революция была объявлена, в манифесте герцога Брауншвейгского, несовместною с принципами всех остальных европейских государств. Но для федерации, основанной на экономическом праве и законе взаимности, было бы величайшим счастьем, если бы весь старый мир ополчился бы против неё и объявил бы ее вне своих законов: это

воодушевило бы республиканские чувства взаимности и федерации, дало бы рабочей демократии полное торжество на всей поверхности земного шара и уничтожило бы раз и навсегда царство монополии....

Стоит ли доказывать еще дальше?

Войдя в законодательства и нравы и создав экономическое право, принцип взаимности перестроит сверху до низу гражданское, торговое, государственное и международное права. Другими словами: выяснив и определив экономическое право, эту верховную и основную категорию права, принцип взаимности создаст единство юридической науки; он покажет, что право едино и тождественно, что оно везде и всегда предписывает одно и то же, что все положения его взаимно дополняют друг друга, что все законы его лишь видоизменения одного, единого закона.

Древнее право, разделенное наукой старых юристов на несколько специальных отраслей, по различию предмета, к которым оно относилось, отличалось, во всех своих подразделениях, общим отрицательным характером; оно скорее препятствовало, чем разрешало, скорее предупреждало столкновения, чем создавало обеспечения; скорее карало обман и насилие, чем обеспечивало общее богатство и благосостояние от обмана и насилия.

Новое право, напротив того, вполне положительно. Цель его наверное и вполне обеспечит человеку все, что древнее право лишь позволяло ему приобретать, полагаясь на свою свободу, но без всяких обеспечений и средств, даже не выражая, в этом случае, ни слова одобрения или порицания. Новое право положительно порицает поступки, которыми нарушаются обеспечение и общественная солидарность, поступки, которые клонятся к образу действий торгашеской анархии, скрытности, монополии, ажиотажу. Оно признает эти поступки столь же достойными порицания, как все мошенничества, вероломства, подлоги, грабежи и разбои, на которые доселе было исключительно обращено внимание закона. Говоря о вопросах страхования, спроса и предложения, установления постоянных цен, торговой добросовестности, кредита, перевозки и т. д., словом обо всем, что называется экономическими учреждениями, мы уже достаточно указали на положительный характер нового права, на новые обязательства, вытекающие из него, на свободу и богатство, которые оно приносит; повторять всего этого мы не будем.

Но если все это правда, то вероятно ли, чтобы работники, участвующие в федерации и взаимности, отказались от этих положительных, вещественных, осязательных, очевидных выгод, которые они представляют им? Возможно ли, чтобы они предпочли возвратиться к прежнему ничтожеству, исконной нищете, отсутствию солидарности и разврату? Неужели, познакомившись с экономическим порядком, они тем не менее предпочтут вновь создать себе эксплуатирующую аристократию и вызвать общую нищету, ради удовлетворения гнусных поползновений немногих?... Неужели, наконец, познав право, люди могут объявить себя против права и добровольно явиться в глазах всего света шайкой воров и разбойников?!

Если бы экономическая реформа взаимности была провозглашена в какомнибудь уголке мира, то в ту же минуту федерации возникли бы всюду, в силу необходимости. Для

существования их нет надобности в непрременной сплоченности федерального союза, нет надобности, чтобы государства эти, как во Франции, Италии и Испании, были тесно сгруппированы и как бы обведены общей оградой. Федерация возможна между государствами отделенными, разобщенными и отстоящими друг от друга на значительные пространства; стоит только им заявить, что они хотят соединить свои интересы и взаимно обеспечить друг друга, по принципам экономического права и взаимности. Однажды создавшись таким образом, федерация не может распасться, потому что, повторяю, никто не захочет отрешиться от такого принципа, как принцип взаимности, и такого договора, как договор федерации.

Итак, принцип взаимности представляет, как мы уже сказали, самую могущественную и, в тоже время, наименее грубую связь, как в политическом мире, так и в экономическом.

Ни правительство, ни община или ассоциация, ни религия, ни присяга не могут так тесно связать людей и предоставить им, в тоже время, такой свободы, как договор взаимности.

Нас упрекали, что, развивая это право, мы поощряем индивидуализм, губим идеал. Клевета! Разве где-нибудь возможно большее могущество коллективности, дающее более великие результаты? Разве можно представить себе где-нибудь больше согласия в людях? Куда бы мы ни обратились, мы всюду видим материализм группы, лицемерие ассоциаций и тяжкие цепи государства. Только здесь мы чувствуем истинное братство в справедливости. Мы проникнуты, одушевлены им, и никто не может сказать, что терпит от него принуждение, что оно налагает на него иго или малейшее бремя. Это любовь во всей своей искренности и откровенности, любовь совершенная, потому что девизом её служит правило взаимности – я чуть было не сказал торговли – сколько даешь, столько берешь.

Версия #4

Зверобой создал 20 марта 2025 05:35:12

Зверобой обновил 11 июня 2025 15:19:06